

Сказки Гауфа

1

Рде только не рассказывают герои Вильгельма Гауфа сказки, легенды и предания, где только не происходят с ними необыкновенные истории: в пустыне на пути к Каиру, в самом Каире, в Александрии и Багдаде, в Германии и дремучем Шпессартском лесу, в Шотландии, во Франции в Париже, в Голландии, на море и на суше. И нельзя сказать, что эти истории тесно связаны друг с другом. Они далеки друг от друга. Они происходят в одних местах, а могут происходить и в других. Время действия условно. Это странно, но некоторые герои могут даже поменяться местами.

Более того: мотивы, которые сопутствуют возникновению этих историй, достаточно условны. Они могут даже отсутствовать, это ничего не меняет. Для того, чтобы была рассказана очередная сказка или новелла, автор не ищет серьёзного повода. Необходимо лишь одно условие — время. Без собеседника, разумеется, не обойтись. Время и собеседник — этого для Гауфа вполне достаточно.

Одна история сменяется другой, при этом возникает иллюзия, что она продолжает предыдущую, как бы вложена в неё, а та, что вложена, содержит в себе третью. Кажется бы, эффект знаменитой русской матрёшки не имеет ничего общего с повествовательной манерой известного немецкого сказочника, но если вдуматься, сходство нетрудно обнаружить: вот первая матрёшка, оказывается, внутри неё — другая, затем — третья; казалось бы, вот

и всё, ан нет — появляется ещё и ещё — матрёшки, уменьшаясь в размерах, вложены одна в другую.

Такой же эффект неожиданного результата, связанности и непрерывности историй остаётся у читателя сказок Гауфа. Одновременно создаётся впечатление, что запас историй у автора безграничен. Он просто вынужден закончить цикл историй, так как ограничены размеры книги.

Но отметим существенную разницу: размер сказок для Гауфа не имеет никакого значения. Впрочем, и в других отношениях композиция произведений Гауфа бесконечно сложнее элементарного устройства матрёшки. Ему ничего не стоит разорвать пополам сложную и занимательную сказку («Холодное сердце»), и, разумеется, это делается на самой интересной странице. Его учителя нетрудно угадать: это Эрнст Теодор Амадей Гофман. Гауф знакомит читателя с первой частью истории, необыкновенной, новой, удивительной во всех отношениях, а потом, через много страниц, посвящённых другим историям, рассказывает вторую часть, ещё более необыкновенную.

Широко известно, как построена знаменитая сказочная эпопея «Тысячи и одной ночи». Красивая и догадливая наложница Шахразада, после очередной любовной встречи, зная, что наутро её ожидает казнь, каждый раз обрывает сказку в самом интересном месте. Каждый раз с утренней зарёю визирь, её отец, приходит с саваном под мышкой, и каждый раз заинтересованный царь Шахрияр откладывает казнь. Мало кто замечает философский смысл этого противопоставления: смерть бессильна перед искусством. И она действительно бессильна, потому что гениальные творения прошлого бессмертны. Вместе с тем композиция «Тысячи и одной ночи» не очень сложна.

Шахрияр по ночам выслушивает сказки Шахразады и ласкает свою возлюбленную, а днём вершит правый суд.

Ничего похожего вы не найдёте в произведениях Гауфа. Его истории не рассказываются на любовном ложе. Он предпочитает самые опасные и рискованные обстоятельства, которые сами по себе сказочны и намеренно усложнены. Авторы многочисленных исследований о народных, волшебных, авантюрных, бытовых сказках стремятся к сопоставлению мотивов. Но мне кажется, что плодотворнее не отыскивать общность мотивов,

а противопоставлять их. Именно этот метод помог мне в работе над анализом скандинавских сказок: противопоставление исландских — датским, датских шведским или норвежским помогло мне представить обширную панораму сказочного фольклора северной Европы (собрание сочинений, т. 8, стр. 423).

Примеров намеренно усложнённой композиции, характерной для Гауфа, много, но достаточно только одного. Он отчётливо покажет эту неслучайную случайность.

В маленькую харчевню, находящуюся в глухом Шпессартском лесу, ночь и непогода загоняют золотых дел мастера, оружейника, извозчика и студента. Харчевню содержит семья, связанная с преступным миром. Чувствуя опасность, путники решают не спать до утра, а где герои Гауфа не спят, там автор заставляет их рассказывать друг другу сказки. Так возникает «Сказание о гильдене с изображением оленя». Его рассказывает оружейный мастер. Так как до утра ещё далеко, вслед за этим сказанием мастер передаёт слово студенту. И читателю предлагается сказка «Холодное сердце», занимающая основное место в цикле «Харчевня в Шпессарте». Приезд графини с камеристкой и дворней прерывает студента. Ему, как и другим героям, конечно, не приходит в голову, что этот приезд и сама графиня существенно меняют ситуацию (и представляют собой мотив новой истории, которая не рассказывается героями, а происходит с ними). Все собравшиеся узнают, что разбойники намерены захватить графиню, чтобы получить за неё выкуп в двадцать тысяч гильденов, и что семья, содержащая харчевню, в стоворе с ними. Казалось бы, тут не до сказок! Опасность так велика, что надо не болтать, а подготовиться к обороне. Ничуть не бывало! Когда ещё появятся разбойники! Чтобы не терять времени даром, собравшиеся решают познакомиться ещё с одной историей, которую рассказывает егеря графини. Вот в этом месте «Альманаха сказок» Вильгельма Гауфа читатель невольно вспоминает «Тысячу и одну ночь». «Приключения Саида» — традиционная волшебная сказка в духе этого грандиозного образца арабского фольклора.

Из Германии действие переносится в Багдад, во времена Гаруна аль-Рашида. Сказка длинна, но ночь ещё длиннее. И хотя разбойников можно ожидать каждую минуту, путники,

повинуясь прихотливому автору, выслушивают «Стинфольскую пещеру», которую рассказывает красивый шестнадцатилетний золотых дел мастер. Я не случайно упомянул о его красоте и молодости. Кто же ещё, кроме него, может переодеться в женское платье и заменить графиню, когда наконец появятся разбойники? (Нельзя сказать, что этот приём блещет новизной. Он тысячи раз появлялся до Гауфа в литературе и драматургии всех времён и народов. Но это не останавливает автора.) Разбойники принимают юношу за графиню. Более чем ясно, что обстоятельства времени и места бесконечно далеки от возможности продолжать сказку «Холодное сердце». Как бы не так! Как раз для того, чтобы забыть об опасности, отвлечься, уйти возможно дальше от грозящей смерти, золотых дел мастер предлагает своим спутникам вернуться к подробному и обстоятельному заключению истории «Холодное сердце»: «...благо времени у нас хватит».

Не буду продолжать разбор этой всё усложняющейся композиции. Пора заняться вопросом о теоретической основе повествовательной манеры Вильгельма Гауфа, изложение которой является неожиданным результатом авторских усилий. В его сказках нет лирико-философской интонации Андерсена. От него далека изящная простота гениальных сказок Перро. Русская народная сказка поэтична. Она связана с былинной. Отсутствие психологической глубины само по себе характерно для всех видов этого жанра. Но от сказок Гауфа, я бы сказал, было бы несправедливо требовать любой глубины, в том числе психологической. Ведь он подчас обходится даже без имени героя, ограничиваясь только сообщением о его профессии. Было бы грубой ошибкой предполагать, что эта особенность подсказана вдохновением. Нет. Такова теоретическая концепция автора. Гауф искусно вставляет в один из сказочных циклов («Александрыйский шейх») рассуждение, имеющее общий характер.

«— Я никогда не задумывался... над тем, в чём, собственно, кроется очарование этих историй, — это говорит безымянный юноша. — Ум человеческий ещё легче и подвижней воды, принимающей любую форму и постепенно проникающей

в самые плотные предметы, — отвечает ему пожилой собеседник. Он лёгок и волен, как воздух, и, как воздух, делается тем легче и чище, чем выше от земли он парит. Поэтому в каждом человеке живёт стремление вознестись над повседневностью и легче и вольнее витать в горних сферах, хотя бы во сне... Внимая рассказам раба, вымыслу, придуманному другим, вы сами творили вместе с ним... сказка становится для вас явью, или, если угодно, явь становится сказкой...»

Но Гауф не останавливается в этом соображении. Для того, чтобы яснее представить его, он сопоставляет сказку с другим жанром — новеллой.

«Я думаю, надо делать известное различие между сказкой и теми рассказами, которые обычно зовутся новеллами... Они мирно свершаются на земле, происходят в обыденной жизни, и чудесна в них только запутанная судьба героя, который богатеет или беднеет, складывается удачно или неудачно не при помощи волшебства, заклятия или проделок фей, как это бывает в сказках, а благодаря самому себе или странному сплетению обстоятельств». И он приводит в пример те рассказы Шахразады, которые далеки от волшебства, заклятья или проделок фей. «...самое важное и привлекательное в них — то искусство, с каким переданы речь и поступки каждого, соответственно его характеру».

Я и сам пробовал свои силы в жанре сказки, но мне казалось, чем теснее они будут связаны друг с другом, тем с большим интересом познакомится с ними читатель («Ночной Сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году»). Я стремился поселить своих героев в одном городе и определить отношение их друг к другу.

Как же объяснить, что ничем не связанные, происходящие в разное время и в разных странах творения Гауфа заняли такое заметное место в сказочной литературе мира? Я долго искал ответ на этот вопрос, обдумывая реальность знака равенства между сказкой и новеллой (в отличие от теоретических посылок!), которой добивается Гауф в своих замечательных книгах. Я перечитал знаменитую статью Горького, который больше всего ценил в сказках «изумительную способность

нашей мысли заглядывать далеко вперёд факта», познакомился со многими книгами, посвящёнными сказочному жанру, и не могу с полной уверенностью сказать, что мне удалось решить эту загадку. Но мне кажется, что я приблизился к её решению. Мне кажется, что и сказки, и новеллы Гауфа, независимо от особенностей обоих жанров, существуют в некотором волшебном пространстве, которое само по себе не требует ни географических, ни топографических признаков. Это атмосфера чуда. Эта обыкновенность необыкновенного получила продолжение в истории мировой сказки. И самый убедительный пример подобного феномена принадлежит нашему блестящему драматургу и сказочнику Евгению Шварцу. В этом отношении он шагнул даже дальше Андерсена. С поразительной свободой он заставил в своих произведениях удивительное и обыденное шагать рядом и даже время от времени меняться местами. Недаром одна из его пьес так и называется «Обыкновенное чудо». В прологе к этой пьесе Шварц писал: «Юноша и девушка влюбляются друг в друга — что обыкновенно. Ссорятся — что тоже не редкость. Едва не умирают от любви. И, наконец, сила их чувства доходит до такой высоты, что начинает творить настоящие чудеса, — что и удивительно, и обыкновенно». Добрый волшебник превращает понравившегося ему молодого медведя в юношу, однако с условием, что юноша снова станет медведем, если его поцелует принцесса: принцесса целует юношу, но он не превращается в медведя, потому что волшебство любви — одно из самых сильных волшебств на земле. Сливаясь с чудом, обыденная жизнь оказывается сильнее его.

В жизни Гауфа, так же как в его сказках, обычное и необычное, простое и сложное соединяются в неожиданно остром скрещении. В ней не было никаких исключительных событий, но стремительность его существования и его полнота сами по себе были событием. Ни бурных страстей, ни борьбы с современниками, ни поисков смысла жизни, подчас характерных для истинного таланта. Он прожил всего 25 лет (1802 — 1827),

но не потерял даром ни часа. Он был стройный, красивый, с темно-синими глазами на бледном лице, весёлый, остроумный, общительный, скромный, добрый.

В годы моего детства мы, ученики псковской гимназии, с завистью слушали рассказы о буршах — студентах дерптского университета (Дерпт или Юрьев, ныне Тарту, недалеко от Пскова). Они дрались на дуэлях, они держали рискованные пари, они по ночам меняли вывески магазинов — огромный деревянный крендель, висевший над булочной, водружали над аптекой, и наоборот, над булочной вешали символ медицины — чашу с обвившейся вокруг неё змеёй. Они гордились шрамами на лице и руках — это было свидетельство мужества и любовных приключений.

Вильгельм Гауф был руководителем буршей в Тюбингене. Все любили его за красноречие и остроумие. Ни одно из студенческих развлечений не обходилось без его участия: дальние экскурсии, загородные прогулки, катание на санках, танцевальные вечера, дружеские застолья, ночные серенады. Неистощимый выдумщик, он затевает проказы, которые никому не приходят в голову, кроме него. Члены его компании называли себя «факелоносцами» и носили красные штаны. Это дало повод Гауфу однажды ночью выкрасить красной краской ноги каменной статуи св. Георгия, водружённой на высокой скале над Тюбингеном. Вспоминая свою тогдашнюю жизнь, он говорит о ней в новелле «Фантасмагории в бременском винном погребе»: «...ты и возвышенная, благородная, ты и грубая, варварская, и милая, и беспорядочная, и мелодичная, и отталкивающая, и всё же такая приятная и живительная!» Правда, увлечение этой жизнью длилось недолго. Это была ранняя юность, а развитие его как творческой личности проходило со стремительной быстротой. Неожиданно, но в первом своём опубликованном произведении «Извлечения из мемуаров Сатаны» он подсмеивается над буршами, затеи которых не имеют ничего общего с политической жизнью Германии, хотя они часами болтают в пивной о народности и свободе.

Эта измена самому себе характерна для Гауфа. Он — во всём и всегда воплощённый поиск.

Человек не знает, как сложится его жизнь, на каком повороте она оборвётся, но Вильгельм Гауф жил так, как будто он знал, что умрёт двадцати пяти лет. Он написал не только сказки, лучшие из которых заняли видное место в мировой литературе. Его перу принадлежат также любовные стихотворения, баллады, популярные солдатские песни. В 1825 году одно за другим выходят три его крупных произведения: «Извлечения из мемуаров Сатаны», роман «Человек с луны» и альманах, представляющий собою собрание сказок. Он соединяет с работой увлекательное путешествие: через немецкие города Франкфурт-на-Майне, Майнц и др. он направляется в Париж, затем Брюссель, Антверпен и через север Германии — в Кассель, Бремен, Гамбург, Берлин, Лейпциг и Дрезден — всюду отдают должное его литературному таланту. Чем бы он ни занимался, где бы он ни побывал, куда бы ни поехал, при всех обстоятельствах жизни его литературная биография развивается с возрастающим успехом. Он женится, по это не помеха для начала редактирования журнала. Он пишет, пишет и пишет... В 1826 году он печатает вторую часть «Мемуаров Сатаны», исторический роман «Лихтенштейн», новый «Альманах сказок на 1827 год», новеллы «Отелло» и «Нищенка с Моста Искусств». Последний год в его жизни отмечен новыми доказательствами его вдохновенного труда: он печатает ещё один «Альманах сказок» и знаменитое эссе «Фантазмагории в бременском винном погребе», своеобразное философское и мемуарно-лирическое произведение. В двадцать пять лет он уже пишет мемуары! Наконец появляются его последние новеллы «Певица», «Еврей Зюсс», «Последние рыцари Мариенбурга» и «Портрет императора». Работоспособность его удивительна. Он не считает серьёзной работой множество статей и рецензий в газетах и еженедельниках. Он планирует произведения, к сожалению, оставшиеся только в черновиках. Среди его планов роман из эпохи освободительных войн против Наполеона и оперное либретто. Современный исследователь творчества Гауфа* справедливо подводит итоги этой молниеносной

* Ботникова А. Б. Предисловие к сборнику: Гауф В. Избранное, М., Радуга, 1986 — на нем. яз.

работы: «Сейчас даже трудно представить себе, что все произведения Гауфа были созданы меньше чем за три года. И созданы очень молодым человеком, не успевшим приобрести ни жизненного опыта, ни мастерства. Но при всех легко различимых недостатках они — создания по-своему новаторские, в них угадываются идеи и формы новой эпохи».

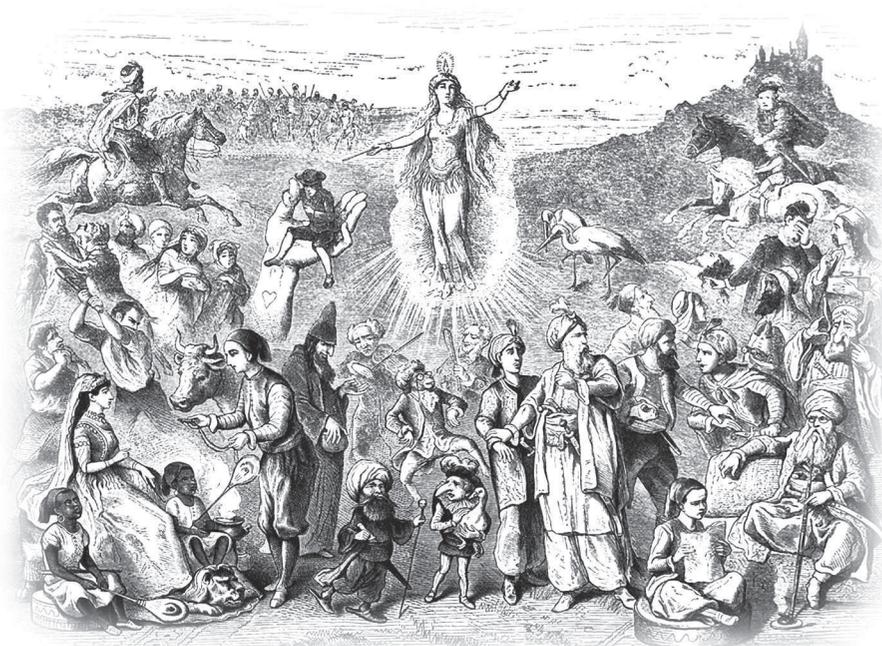
Историко-литературная мысль остаётся холодной, когда её бесстрастный голос рассказывает о жизни художника. Б. М. Эйхенбаум, кончая книгу о Лермонтове, был прав, заметив, что ранняя гибель Лермонтова не имеет научного значения. Но не надо забывать о чувстве. Самый бесстрастный учёный не может остаться равнодушным, размышляя о ранней смерти гениального человека. Он невольно представляет себе, каких вершин могло бы достигнуть его творчество.

Томас Чаттертон, с необыкновенным талантом подделавший оды и баллады XV века и сумевший включить в круг английской литературы старинную поэзию, покончил с собой, когда ему было семнадцать лет. Невольно подумаешь, что внеисторическое понятие «судьба» каким-то образом присутствует в трагической участи гениального человека. Прав ли был Некрасов в знаменитом стихотворении, навеянном известием о смерти Писарева: «Хорошо умереть молодым!»? По отношению к людям, деятельность которых могла бы обогатить человечество, это ложная мысль.

Гауф писал свои сказки для детей — сперва рассказывал, а потом писал. Как все знаменитые произведения, написанные для детей, его сказки входят в круг взрослого чтения. Он никогда не опускается до упрощений, последовательно ведёт читателя вперёд и выше, как бы заставляя его стремиться туда, где он, читатель, ещё не был.

Вениамин Каверин

ПРИСКАЗКА

В некотором прекрасном, далёком царстве, где (гласит предание) сады вечно зелены и солнце никогда не заходит, с начала веков и донныне царствует лучезарная царица Фантазия. Много веков она была счастьем всех её окружавших, была любима всеми, кто её знал. Но сердце у царицы было такое пламенное, что она не могла не бросать лучей своих благодеяний далеко за пределы собственного царства. В царственном блеске своей вечной юности и красоты, она сошла на землю: она слыхала, что там живут люди, которые невесело проводят время, в труде и работе, часто в горе и нужде. Им-то она и принесла лучшие дары из своего царства, и с тех пор, как прекрасная царица прошла по земле, люди стали веселее, имели более светлых часов.

Детей своих, не менее прекрасных и приветливых чем она сама, царица тоже посылала на землю радовать людей. Однажды с земли вернулась Сказка, её старшая дочь. Мать заметила, что она скучна, и даже глаза у неё как будто заплаканы.

— Что с тобою, дитя моё? — спросила её царица, — ты вернулась такая печальная, унылая... Расскажи, доверься матери.

— Ах, я бы сейчас сказала, — ответила Сказка, — если бы не знала, что моё горе и тебя огорчит.

— Всё равно, скажи, дитя моё, — упрашивала царица, — горе — это тяжёлый камень: одного задавит, но двоим легко его снести.

— Ты приказываешь, — сказала Сказка, — так слушай же. Ты знаешь, как я люблю бывать у людей, как я охотно сижу у самых бедных тружеников перед хижинкой, и болтаю с ними часок после работы. Бывало, они мне сейчас дружески подадут руку, когда я приду, и с улыбкой, довольные, провожают меня ласковым взглядом, когда я уйду; но в последнее время стало совсем не то.

— Бедная моя Сказка! — пожалела царица дочь и погладила её рукою по щеке, на которой блестела слезинка. — Но тебе, может быть, всё это только так кажется?

— Поверь мне, это так, — ответила Сказка, — сердце не обманет: они меня более не любят. Куда я ни приду, меня встречают холодные взгляды, мне нигде не радуются; даже дети и юноши, которые всегда так меня любили, и те надо мною смеются и поворачиваются ко мне спиною.

Царица подпёрла голову рукою и задумалась.

— Какая может быть причина, — проговорила она, — что люди так изменились?

— Они везде наставили учёных сторожей, которые зорко осматривают и разбирают всё, что приходит из твоего царства. Если явится пришлец им не по душе, они поднимают крик и шум, убивают его или так очернят у людей, — а люди верят им на слово, — что мы уже не встречаем ни крошки любви, ни капли доверия. Как на этот счёт хорошо братьям моим, Снам! Они весело летают, им нет дела ни до каких сторожей; они навещают спящих людей и вволю рисуют им картины, радующие глаз и сердце.

— Братья твои ветреники, — возразила царица, — и тебе, моя любимица, нечего им завидовать. Я, впрочем, знаю хорошо этих таможенных сторожей; люди не совсем неправы, что их поставили: являлся не один пустой ветрогон и прикидывался, будто он прямо из моего царства, а сам разве только с какой-нибудь горы заглядывал к нам.

— Но за что же вымещают они это на мне, твоей родной дочери? — огорчалась Сказка. — Ах, если бы ты только знала, как они меня обижают! Обозвали меня старой девой и грозилась в другой раз вовсе не пускать...

— Не пускать! Мою дочь! — с негодованием воскликнула царица. Но я догадываюсь от кого эта напасть: это всё наделала твоя злая тётка, — это она наклеветала на вас.

— Мода? Не может ли быть! — наивно изумилась Сказка. — Да ведь она всегда так нас ласкает, кажется любит нас!

— Ох, уж она мне, притворщица! — сетовала царица. — Но ты, на зло ей, попытайся ещё раз, дитя моё. Кто хочет делать добро, тот не должен так легко уступать первой неудаче.

— А если они в самом деле меня не пропустят? Или так очернят, что люди на меня и не взглянут, а с пренебрежением отвернутся?

— Если большие, ослеплённые Модою, от тебя отвернутся, — попытай счастье у детей и у юношей. Молодёжь всегда я любила всем сердцем. Молодёжи я посылаю самые чарующие образы и картины чрез твоих братьев, Снов; я и сама не один раз слетала к ним, ласкала их, целовала, учила их хорошим играм и сама с ними играла. Молодёжь меня знает хорошо, хотя может быть и не слыхала моего имени, и сколько раз я замечала, как дети ночью улыбались, заглядываясь на мои золотые звёзды, а утром, когда по небу несутся мои белые овечки, хлопали от радости в ладоши. Когда они подрастут, и тогда они меня любят; я помогаю девочкам плести венки из пёстрых цветов, а резвые шалуны-мальчики притихают, когда я к ним подсяду на вершине высокой скалы, вызываю из тумана далёких голубых гор высокие замки и дворцы и обращаю розовые облака заката в отряды отважных всадников и шествия набожных пилигримов.

— Ну, хорошо, — сказала тронутая Сказка. — Так и быть, у них попытаю ещё раз счастья.

— Да, доброе дитя моё, — уговаривала её царица, — сойди к ним. Только дай я тебя принаряжу, чтобы ты малюткам понравилась, а большие не оттолкнули тебя. Я тебя одену праздничной книжкой для подарка.

— Праздничной книжкой? Ах, мне неловко явиться перед людьми в такой пёстрой одежде.

По знаку царицы, прислужницы принесли хорошенький наряд ярких цветов, с вотканными красивыми фигурами. Они заплели ей длинные волосы в косы, подвязали ей золотые сандалии и одели её.

Скромная Сказка едва смела поднимать глазки, но мать любовалась ею и горячо её обняла.

— Иди, — сказала она ей, — с тобою моё благословение. И если тебя осмеют и оттолкнут, то воротись и останься со мною; придёт время: люди опять будут следовать голосу природы и сердце их снова обратится к тебе.

Так сказала царица Фантазия. А Сказка слетела на землю. Крепко билось у неё сердце, когда она подходила к месту, где стояли учёные сторожа. Она низко, низко склонила голову, плотнее обтянула на себе красивое платье и робкими шагами подошла к воротам.

— Стой! — встретил её густой, строгий голос. — Караул, выходи! Пришла новая книжка.

Сказка задрожала; к ней бросилось множество немолодых людей с суровыми лицами; в руках у них были острые перья, острым концом обращённые к Сказке. Один из них подошёл совсем близко и грубо взял её за подбородок.

— Ну-ка, голову выше, книжонка! — крикнул он, — поглядим по глазам, принесла ли ты что-нибудь путное, или нет?

Сказка, краснея, приподняла личико и вскинула на сторожа свои тёмные глаза.

— Да это Сказка! — вскрикнули сторожа и расхохотались: — Сказка! А мы-то думали не весть что за важная персона! Как ты очутилась в этом наряде?

— Меня мать нарядила, — отвечала Сказка.

— Вот что! Контрабандой вздумала тебя провести? Не бывать этому. Убирайся, да проворнее! — закричали сторожа и замахнулись острыми перьями.

— Да ведь я только к детям, да к юношам хотела! — упрашивала Сказка: — хоть к ним-то пустите.

— Довольно у нас слоняется вашего брата, — сказал один из сторожей, — только набивают детям головы всяким вздором.

— Пойдите, послушаем, что у неё новенького, — сказал другой.

— Ну, пожалуй, — согласились остальные, — рассказывай, только живее: нам с тобой некогда.

Сказка протянула руку и указательным пальцем вывела разные фигуры в воздухе; выступили пёстрые толпы, караваны, красивые кони, богато одетые всадники, шатры в песчаной пустыне, птицы и корабли на бурных морях, тихие леса и многолюдные площади и улицы, битвы и мирные кочевья, — всё это проносилось живыми, яркими, подвижными картинами.

Сказка так увлеклась вызыванием всех этих образов, что не заметила, как суровые привратники один за другим заснули. В эту минуту к ней подошёл приветливый человек и взял её за руку.

— Посмотри, милая Сказка, — сказал он, — они спят: не для них твои пёстрые образы. Лучше проскользни-ка ты попроворнее в ворота. Они и знать не будут, что ты прошла, а там уж тебя никто не будет беспокоить. Я тебя возьму к себе, к моим детям; в своём доме дам тебе спокойный, уютный уголок, там ты можешь жить совсем сама по себе; а когда дети будут умны и хорошо приготовят уроки, то им с товарищами и подругами будет позволено посидеть часок с тобою и послушать тебя. Хочешь?

— Хочу!.. И с какой радостью я пойду с тобой к твоим детям! Как буду я стараться доставить им приятный вечерок!

Добрый человек ласково кивнул ей и помог перешагнуть через ноги спавших сторожей. Благополучно пробравшись, Сказка с улыбкой оглянулась и быстро скользнула в ворота.

Караван

Альманах сказок января 1826 года для сыновей
и дочерей знатных сословий
Märchen-Almanach auf das Jahr 1826 für Söhne
und Töchter gebildeter Stände
[Сборник, 1825 года]

В дебютный авторский сборник Вильгельма Гауфа вошли
сказки из цикла «Караван» — истории, рассказанные
на привале погонщиками верблюдов в жаркой
египетской пустыне.

Караван

Однажды по пустыне тянулся большой караван. На необъятной равнине, где ничего не видно, кроме неба и песка, уже вдали слышались колокольчики верблюдов и серебряные бубенчики лошадей; густое облако пыли, предшествовавшее каравану, возвещало его приближение, а когда порыв ветра разносил облако, взор ослепляли сверкающее оружие и яркие одежды.

Так представлялся караван человеку, который подъезжал к нему сбоку. Он ехал на прекрасной арабской лошади, покрытой тигровой шкурой. На ярко-красной сбруе висели се-

ребряные колокольчики, а на голове лошади развевался прекрасный султан* из перьев цапли. Всадник имел статный вид, и его наряд соответствовал великолепию его коня: белый тюрбан, богато вышитый золотом, покрывал голову; камзол и широкие шаровары ярко-красного цвета, сбоку кривой меч с богатой рукояткой. Тюрбан у него был низко надвинут на лицо; черные глаза, сверкавшие из-под густых бровей, длинная борода, спускавшаяся под орлиным носом, — всё это придавало ему дикий, отважный вид. Когда всадник был приблизительно в пятидесяти шагах от передового отряда каравана, он пришпорил лошадь и в несколько мгновений достиг головы шествия. Видеть одинокого всадника проезжающим по пустыне было таким необыкновенным случаем, что стража каравана, опасаясь нападения, направила на него свои копыя.

— Чего вы хотите? — воскликнул всадник, увидев, что его так воинственно встречают. — Вы думаете, что на ваш караван нападёт один человек?

Пристыженная стража опять подняла свои копыя, а её предводитель подъехал к незнакомцу и спросил, что ему нужно.

— Кто хозяин каравана? — спросил всадник.

— Он принадлежит не одному хозяину, — вежливо отвечал спрошенный, — а нескольким купцам, которые едут из Мекки на родину и которых мы провожаем через пустыню, потому что часто разный сброд тревожит проезжих.

— Так отведите же меня к купцам, — потребовал незнакомец.

— Этого теперь нельзя, — отвечал предводитель, — потому что мы должны без остановки ехать дальше, а купцы находятся по крайней мере на четверть часа позади; но если вы поедете со мной дальше, пока мы не сделаем привал для отдыха в полдень, то я исполню ваше желание.

Незнакомец ничего не сказал на это. Он вынул длинную трубку, привязанную к седлу, и сильно затягиваясь начал курить, проезжая дальше рядом с предводителем передового

* Султан — здесь: украшение на головном уборе в виде вертикально укрепленного перьевого или волосяного пучка.

отряда. Последний не знал, как ему быть с незнакомцем; прямо спросить его имя он не решался, а как искусно ни старался он завязать разговор, незнакомец на слова: «Вы курите хороший табак» или «У вашей лошади славный шаг» отвечал всё только коротким «Да, да!». Наконец они прибыли к месту, где хотели отдохнуть в полдень. Предводитель поставил своих людей на стражу, а сам с незнакомцем остановился, чтобы пропустить караван. Прошли тридцать тяжело нагруженных верблюдов, которых вели вооружённые проводники. За ними на прекрасных лошадях подъехали пять купцов, которым принадлежал караван. Это были большею частью люди преклонного возраста, серьёзного и почтенного вида; только один казался гораздо моложе остальных, а также веселее и живее. Большое число верблюдов и вьючных лошадей замыкало шествие.

Раскинули палатки и вокруг поставили верблюдов и лошадей. В середине была большая палатка из голубой шёлковой материи. Туда предводитель стражи повёл незнакомца. Когда они вошли за занавес палатки, то увидели пятерых купцов, сидевших на вытканых золотом подушках. Черные рабы подавали им кушанья и напитки.

— Кого вы там привели к нам? — крикнул предводителю молодой купец.

Ещё прежде чем предводитель смог ответить, незнакомец сказал:

— Меня зовут Селим Барух и я из Багдада. На пути в Мекку я был взят в плен разбойничьей шайкой и три дня тому назад тайно освобожден из плена. Великий Пророк дал мне услышать в широкой дали колокольчики вашего каравана, и вот я приехал к вам. Позвольте мне ехать

в вашем обществе, — вы не окажете своей защиты недостойному, а если вы приедете в Багдад, то я щедро награжу вашу доброту, потому что я племянник великого визиря.

Тогда заговорил самый старший из купцов.

— Селим Барух, — сказал он, — милости просим под нашу сень! Мы рады помочь тебе, но прежде всего садись, ешь и пей с нами!

Селим Барух сел к купцам и стал есть и пить с ними. После обеда рабы убрали посуду и принесли длинные трубки и турецкий шербет. Купцы долго сидели молча, выпуская синеватые струйки дыма и смотря, как они извивались, переплетались и наконец разносились в воздухе.

Наконец молодой купец прервал молчание.

— Так мы сидим уже три дня, — сказал он, — на лошади и за столом, ничем не занимая времени. Я испытываю сильную скуку, так как привык после обеда смотреть танцоров или слушать пение и музыку. Вы ничего не знаете, друзья мои, что заняло бы у нас время?

Четверо старших купцов продолжали курить и, казалось, серьёзно думали, а незнакомец сказал:

— Если мне будет позволено, я сделаю вам одно предложение. Я думаю, что на каждом привале один из нас мог бы что-нибудь рассказать другим. Это уж могло бы занять у нас время.

— Селим Барух, ты сказал правду, — проговорил Ахмет, самый старший из купцов. — Давайте примем это предложение!

— Я рад, что предложение вам нравится, — сказал Селим, — а чтобы вы видели, что я не желаю ничего несправедливого, начну сам.

Обрадованные купцы сдвинулись ближе и посадили незнакомца в середину. Рабы опять наполнили чаши, снова набили трубки своих господ и принесли горячих углей для раскуривания. А Селим освежил свой голос хорошим глотком шербета, разгладил вокруг рта длинную бороду и сказал:

— Так слушайте же рассказ о калифе аисте.

Рассказ о калифе аисте

1

Однажды в прекрасное послеобеденное время багдадский калиф* Хасид уютно сидел на своём диване. Он немного поспал, потому что был жаркий день, и теперь имел очень весёлый вид. Он курил из длинной трубки розового дерева, отпивал иногда немного кофе, который наливал ему раб, и всякий раз, когда кофе казался ему вкусным, весело поглаживал себе бороду. Словом, по калифу видно было, что ему очень приятно. В этот час очень хорошо можно было говорить с ним, потому что он был всегда очень милостив и снисходителен; поэтому и его великий визирь** Мансор ежедневно посещал его в это время. В это послеобеденное время он тоже пришёл, но против обыкновения имел очень задумчивый вид. Калиф немного вынул изо рта трубку и сказал:

— Почему у тебя такое задумчивое лицо, великий визирь?

Великий визирь крестообразно сложил руки на грудь, поклонился своему государю и ответил:

— Государь, задумчивое ли у меня лицо — я не знаю, но там внизу, у дворца, стоит торговец, у которого такие прекрасные вещи, что мне досадно не иметь много лишних денег.

Калиф, который уже давно охотно порадовал бы своего великого визиря, послал вниз чёрного раба, чтобы привести торговца наверх. Скоро раб вернулся с торговцем. Это был маленький, толстый человек, смуглый лицом и в оборванной одежде. Он принёс ящик, в котором у него были вся-

* К а л и ф (халиф) — титул правителя у мусульман.

** В и з и р ь — в некоторых странах Востока: министр, высший сановник.

кие товары: жемчуг и кольца, богато оправленные пистолеты, кубки и гребни. Калиф и его визирь всё пересмотрели, и калиф купил наконец для себя и Мансора прекрасные пистолеты, а для жены визиря — гребень. Когда торговец хотел уже опять закрыть свой ящик, калиф увидел маленький выдвигной ящичек и спросил, есть ли и там ещё товары.

Торговец вынул ящик и показал в нём коробку с черноватым порошком и бумагу с очень странной надписью, которую не могли прочесть ни калиф, ни Мансор.

— Эти две вещи я получил однажды от купца, который нашёл их в Мекке на улице, — сказал торговец. — Я не знаю, что они содержат; они к вашим услугам за ничтожную цену, я ведь ничего не могу сделать с ними.

Калиф, который любил иметь в своей библиотеке старинные рукописи, хотя и не мог читать их, купил рукопись и коробку и отпустил торговца. Он стал думать, как бы ему узнать, что содержит рукопись, и спросил визиря, не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы разобрать её.

— Всемиловитейший государь и повелитель, — отвечал визирь, — у большой мечети живёт один человек, которого зовут Селимом Мудрецом; он знает все языки. Позови его, может быть, он знает эти таинственные знаки.

Скоро учёный Селим был приведён.

— Селим, — сказал ему калиф, — говорят, ты очень учен. Взгляни-ка на эту рукопись, можешь ли ты прочесть её? Если сможешь, то получишь от меня новое праздничное платье, если не сможешь — получишь двенадцать ударов по щеке и двадцать пять по подошвам, потому что тогда тебя напрасно называют Селимом Мудрецом.

Селим поклонился и сказал:

— Да будет воля твоя, государь!

Он долго и внимательно рассматривал рукопись, но вдруг воскликнул:

— Это написано по-латыни, государь, или пусть меня повесят!

— Скажи, что в ней написано, — приказал калиф, — если это по-латыни.

Селим начал переводить:

«Человек, ты, который найдёшь это, восхвали Аллаха за его милость. Кто понюхает порошка в этой коробке и при этом скажет *мутабор**, тот может превратиться во всякое животное и будет понимать также язык животных. Если он захочет опять возвратиться в свой человеческий образ, то пусть он трижды поклонится на восток и скажет это же слово! Но остерегайся смеяться, когда будешь превращён! Иначе волшебное слово совершенно исчезнет из твоей памяти, и ты останешься животным!»

Когда Селим прочёл всё это, калиф был чрезвычайно доволен. Он велел учёному поклясться никому не говорить об этой тайне, подарил ему прекрасное платье и отпустил его. А своему великому визирю он сказал:

— Это я называю хорошей покупкой, Мансор! Как я буду рад, когда буду животным! Завтра утром ты придёшь ко мне! Потом мы вместе пойдём в поле, понюхаем немного из моей коробки, а затем будем подслушивать, что говорится в воздухе и в воде, в лесу и в поле.

||

Едва на другое утро калиф Хасид позавтракал и оделся, как уже явился великий визирь сопровождать его, как он приказал, на прогулку. Калиф сунул коробку с волшебным порошком за пояс и, приказав своей свите остаться сзади, отправился в путь с одним великим визирем. Сперва они пошли по обширным садам калифа, но напрасно высматривали что-нибудь живое, чтобы испробовать свой фокус. Наконец визирь предложил пойти дальше, к пруду, где он уже часто видал много животных, а именно аистов, которые своей важностью и своим курлыканьем всегда возбуждали его внимание.

Калиф одобрил предложение своего визиря и пошёл с ним к пруду. Придя туда они увидели аиста, который важно расхаживал, отыскивая лягушек и иногда что-то курлыча про

* Я превращаюсь.

себя. В то же время далеко вверху, в воздухе, они увидели другого аиста, летевшего к этому месту.

— Ручаюсь своей седой бородой, всемилостивейший государь, — сказал великий визирь, — если эти двое длинноногих не поведут между собою прекрасного разговора. А что если нам сделаться аистами?

— Отлично! — отвечал калиф.

— Но прежде ещё раз сообразим, как сделаться опять человеком.

— Верно! Трижды поклонившись на восток и сказав *мутабор* я буду опять калифом, а ты — визирем. Но только, ради неба, не смеяться, а то мы пропали!

Сказав так, калиф увидел, что другой аист парит над их головами и медленно опускается на землю. Он быстро вынул из-за пояса коробку, взял хорошую щепоть, предложил её великому визирю, который тоже понюхал, и оба воскликнули: «Мутабор!»

Тогда их ноги сморщились и стали тонкими и красными: красивые желтые туфли калифа и его спутника сделались безобразными ногами аистов, руки — крыльями, шея вышла из

плеч и стала длиной в локоть*, борода исчезла, а всё тело покрыли мягкие перья.

— У вас красивый клюв, великий визирь, — сказал после долгого изумления калиф. — Клянусь бородой Пророка, ничего такого я не видал в своей жизни!

— Покорнейше благодарю, — ответил великий визирь кланясь, — но, если я могу осмелиться, я утверждаю, что аистом ваше высочество почти ещё красивее, чем калифом. Однако пойдёмте, если вам угодно, подслушивать там наших товарищей и испытать, действительно ли мы знаем язык аистов.

Между тем другой аист прилетел на землю. Он почистил себе клювом ноги, расправил перья и подошёл к первому аисту. А оба новых аиста поспешили подойти поближе к ним и, к своему изумлению, услышали следующий разговор:

— Здравствуйте, Длинноножка! Так рано и уже на лугу?

— Очень вам благодарна, моя милая Трещотка! Я добыла себе только маленький завтрак. Может быть, вам угодно четвертинку ящерицы или бёдрышко лягушки?

— Благодарю покорно — у меня сегодня совсем нет аппетита. Я прилетела на луг даже совсем за другим. Я должна сегодня танцевать перед гостями своего отца и хочу немного поупражняться наедине.

В то же время молодой аист с удивительными движениями зашагал по полю. Калиф и Мансор с удивлением смотрели на него. А когда он в живописной позе стал на одной ноге и при этом грациозно замахал крыльями, тогда оба они уже не могли сдержаться: из их клювов вырвался неудержимый смех, от которого они опомнились только спустя долгое время.

Сперва успокоился калиф.

— Это была прекрасная шутка! — воскликнул он. — Такой не купишь за деньги! Жаль, что своим смехом мы спугнули глупых животных, а то они, наверно, ещё и спели бы.

Но теперь великому визирю пришло в голову, что смех во время превращения был запрещён. Поэтому он поделился своим опасением с калифом.

* Л о к о т ь — как мера длины известен у многих народов мира; в среднем равнялся 6–7 ладоням (45–52 см).

— Клянусь Меккой и Мединой! Это была бы плохая шутка, если бы я должен был остаться аистом! Вспомни же глупое слово! Я не произнесу его.

— Мы должны трижды поклониться на восток и при этом сказать: *му-му-му...*

Они стали к востоку и беспрестанно кланялись, так что их клювы почти касались земли. Но горе! Они забыли волшебное слово, и сколько ни кланялся калиф, как страстно его визирь ни восклицал при этом *му-му-му*, всякое воспоминание о нём исчезло, и бедный Хасид и его визирь остались аистами.

Печально бродили заколдованные по полям. Они совершенно не знали, что им делать в своём горе. Выйти из своей кожи аистов они не могли, вернуться в город, чтобы дать возможность узнать себя, тоже не могли; ведь кто же поверил бы аисту, что он калиф? А если бы даже и поверили этому, то захотят ли жители Багдада иметь калифом аиста?

Так они блуждали несколько дней и скудно питались полевыми плодами, которыми, однако, вследствие своих длинных клювов они не могли хорошо кормиться. Впрочем, к ящерицам и лягушкам у них не было аппетита, потому что они опасались испортить себе такими лакомствами желудок. Их единственным удовольствием в этом печальном положении было то, что они могли летать, и вот они часто летали на крыши Багдада смотреть что происходит в нём.

В первые дни они замечали на улицах большое беспокойство и печаль. А приблизительно на четвёртый день после своего превращения они сидели на дворце калифа и увидели внизу на улице пышное шествие. Звучали барабаны и трубы; на разукрашенной лошади сидел человек в вышитой золотом пурпурной мантии, окружённый блестящими слугами. За ним бежала половина Багдада, и все кричали: «Да здравствует Мицра, властитель Багдада!» Тогда оба аиста на крыше дворца посмотрели друг на друга, и калиф Хасид сказал:

— Ты догадываешься теперь, почему я заколдован, великий визирь? Этот Мицра — сын моего смертельного врага, могущественного волшебника Кашнура, который в минуту гнева поклялся мне в мести. Но я ещё не теряю надежды. Пойдём со мной, верный товарищ моего горя! Мы отправимся к гробу Пророка; может быть, в святом месте это колдовство будет уничтожено.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины.

Но лететь им не очень-то удавалось, потому что у обоих аистов было ещё мало упражнения.

— Государь, — застонал через несколько часов великий визирь, — простите, я уж недолго выдержу это! Вы летите слишком быстро! Да и уж вечер! Мы хорошо бы сделали, если бы поискали на ночь пристанища.

Калиф выслушал просьбу своего слуги, а так как внизу в долине он увидел развалины, которые, казалось, давали приют, то они полетели туда. Место, где они спустились на эту ночь, прежде, по-видимому, было замком. Среди развалин возвышались прекрасные колонны; несколько комнат, которые ещё достаточно сохранились, свидетельствовали о прежнем великолепии этого дома. Хасид и его спутник пошли по коридорам искать себе сухое местечко.

Вдруг аист Мансор остановился.

— Государь и повелитель, — тихо прошептал он, — глупо было бы великому визирю, а ещё больше аисту, бояться привидений! Мне очень страшно, потому что здесь рядом что-то только что совершенно внятно вздыхало и стонало.

Калиф тоже остановился и совершенно ясно услышал тихий плач, который принадлежал, казалось, скорее человеку, нежели животному. Исполненный ожидания, он хотел подойти к тому месту, откуда шли жалобные звуки, но визирь схватил его клювом за крыло и с мольбой попросил его не бросаться в новые, неизвестные опасности. Но напрасно! Калиф, у которого и под крылом аиста билось храброе сердце, вырвался, потеряв несколько перьев, и поспешил в тёмный проход. Скоро он подошёл к двери, которая, казалось, была только притворена и из-за которой он услышал явственные вздохи и стоны. Он открыл дверь, толкнув её клювом, но в изумлении остановился на пороге. В развалившейся комнате, которая скудно освещалась только небольшим решетчатым окном, он увидел сидевшую на полу большую ночную сову. Крупные слезы катились у неё из больших, круглых глаз и хриплым голосом она издавала вопли своим кривым клювом. Но когда она увидела калифа и его визиря, который между тем тоже подкрался, она подняла громкий радостный крик. Она красиво утёрла крылом с бурыми пятнами слезы с глаз и, к великому изумлению обоих, воскликнула на хорошем арабском языке:

— Милости просим, аисты! Вы для меня добрый знак моего спасения, потому что через аистов мне явится большое счастье. Так однажды мне было предсказано!

Когда калиф опомнился от своего изумления, он поклонился своей длинной шеей, красиво поставил свои тонкие ноги и сказал:

— Сова! По твоим словам я могу думать, что вижу в тебе товарища по несчастью. Но увы! Твоя надежда, что через нас явится твоё спасение, напрасна! Ты сама узнаешь нашу беспомощность, когда услышишь нашу историю.

Сова попросила его рассказать, а калиф начал и рассказал то, что мы уже знаем.

Когда калиф изложил сове свою историю, она поблагодарила его и сказала:

— Узнай также мою историю и выслушай, что я не меньше тебя несчастна. Мой отец — король Индии; меня, его единственную, несчастную дочь, зовут Лузой. Тот волшебник Кашнур, который заколдовал вас, сделал несчастной и меня. Однажды он явился к моему отцу и стал просить меня в жёны для своего сына Мицры. А мой отец, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Негодяй сумел под другим видом опять подкрасться близко ко мне, и когда я однажды в своём саду захотела выпить прохладительного, он, переодетый рабом, принёс мне питье, которое превратило меня в этот мерзкий вид. Он принёс меня, бессильную от ужаса, сюда и страшным голосом крикнул мне в уши:

«Ты должна оставаться безобразной, презираемой даже животными до своей смерти или пока кто-нибудь добровольно не пожелает тебя, даже в этом ужасном виде, в супруги. Так я мщу тебе и твоему гордому отцу!»

С тех пор прошло много месяцев. Одиноко и печально я живу отшельницей в этих стенах, ненавидимая миром и отвратительная даже для животных; прекрасная природа недоступна мне: ведь днём я слепа, и только когда месяц разливают на эти стены свой бледный свет, с моих глаз спадает окутывающий их покров.

Сова кончила и крылом опять утёрла глаза, потому что рассказ о своих страданиях вызвал у неё слезы.

При рассказе принцессы калиф погрузился в глубокие размышления.

— Если не всё меня обманывает, — сказал он, — то между нашими несчастьями существует таинственная связь; но где мне найти ключ к этой загадке?

Сова отвечала ему:

— О государь, и я предчувствую это, потому что однажды, в ранней юности, мне было предсказано мудрой женщиной, что аист принесёт мне большое счастье, и я, может быть, знаю, как мы могли бы спастись.

Калиф был очень изумлён и спросил, каким же путём можно спастись по её мнению.

— Волшебник, который обоих нас сделал несчастными, — сказала она, — раз в месяц приходит в эти развалины. Недалеко от этой комнаты есть зала. Там он и многие его товарищи собираются и пируют. Уже не раз я подслушивала их там. Тогда они рассказывают друг другу свои постыдные дела; быть может, в то время он произносит волшебное слово, которое вы забыли.

— Дражайшая принцесса! — воскликнул калиф. — Скажи, когда он приходит и где эта зала!

Сова минуту помолчала, а потом сказала:

— Не обижайтесь, но только под одним условием я могу исполнить ваше желание.

— Говори! Говори! — закричал Хасид. — Приказывай, для меня всё хорошо!

— Я очень хотела бы тоже быть свободной. Но это может произойти лишь тогда, когда один из вас предложит мне свою руку.

Аисты, по-видимому, были несколько смущены этим предложением, и калиф сделал своему слуге знак немного отойти с ним.

— Великий визирь, — сказал за дверью калиф, — это глупая сделка, но вы могли бы, как мне кажется, принять её.

— Как? — отвечал визирь. — Чтобы моя жена, когда я придду домой, выцарапала мне глаза? К тому же я старик, а вы ещё

молоды, не женаты. Вы скорее можете отдать руку молодой, прекрасной принцессе.

— То-то и есть, — вздохнул калиф, печально опуская крылья, — кто же говорит тебе, что она молода и прекрасна? Это значит купить за глаза!

Они ещё долго уговаривали друг друга, но наконец, когда калиф увидел, что его визирь предпочитает остаться аистом, нежели жениться на сове, он решился сам исполнить условие. Сова очень обрадовалась. Она призналась им, что в лучшее время они не могли бы прийти, потому что волшебники соберутся, вероятно, в эту ночь.

Она вместе с аистами покинула комнату, чтобы вести их в ту залу. Они долго шли в тёмном коридоре; наконец из-за полуразвалившейся стены им блеснул в глаза яркий свет. Когда они подошли туда, сова посоветовала им держать себя совсем тихо. Через отверстие, у которого они стояли, они могли осмотреть большую залу. Она была украшена колоннами и великолепно убрана. Множество цветных ламп заменяли дневной свет. Посредине залы стоял круглый стол, уставленный множеством изысканных кушаний. Вокруг стола тянулся диван, на котором сидели восемь человек. В одном из этих людей аисты узнали того торговца, который продал им волшебный порошок. Его сосед пригласил его рассказать им свои новейшие дела. Он рассказал между прочим и историю калифа и его визиря.

— Какое же слово ты им задал? — спросил его другой волшебник.

— Очень трудное, латинское слово — *мутабор*.

Когда аисты у своего отверстия в стене услышали это, они от радости почти вышли из себя. На своих длинных ногах они так быстро побежали к воротам развалин, что сова едва могла поспевать. Там растроганный калиф сказал сове:

— Спасительница моей жизни и жизни моего друга, возьми меня в супруги в знак вечной благодарности за то, что ты сделала для нас!

А затем он обернулся к востоку. Аисты трижды склонили свои длинные шеи навстречу солнцу, которое только что поднималось за горами. «*Мутабор!*» — воскликнули они и вмиг превратились в людей. В великой радости от вновь дарованной жизни государь и слуга смеясь и плача обнимали друг друга. Но кто опишет их изумление, когда они оглянулись? Перед ними стояла прекрасная, великолепно наряженная дама. Она с улыбкой подала калифу руку.

— Разве вы уже не узнаете свою ночную сову? — сказала она.

Это была она. Калиф был так восхищён её красотой и прелестью, что воскликнул:

— Моё величайшее счастье, что я в своё время сделался аистом!

Теперь все трое вместе направились в Багдад.

В своей одежде калиф нашёл не только коробку с волшебным порошком, но и свой кошелёк с деньгами. Поэтому в ближайшей деревне он купил всё, что было необходимо для их путешествия, и вот они скоро приехали к воротам Багдада. А там прибытие калифа возбудило большое изумление. Его выдавали за умершего, и поэтому народ был очень рад опять иметь своего возлюбленного государя.

Но тем сильнее возгорелась ненависть жителей к обманщику Мицре. Они пошли во дворец и поймали старого волшебника и его сына. Старика калиф отправил в ту самую комнату развалин, где принцесса жила совой, и велел повесить его там. А сыну, который ничего не понимал в искусствах отца, калиф предоставил выбрать, что он хочет: умереть или понюхать порошка. Когда он выбрал последнее, великий визирь подал ему коробку. Порядочная щепоть и волшебное слово калифа превратили его в аиста. Калиф велел запереть его в железную клетку и поставить её в своём саду.

Долго и весело жил калиф Хасид со своей женой принцессой. Его самыми приятными часами были всегда те, когда после обеда его посещал великий визирь. Тогда они часто говорили о своих приключениях, когда были аистами, и если калиф был очень весел, то снисходил до того, что изображал великого визиря, какой вид он имел аистом. Он важно ходил не сгибая ног взад и вперёд по комнате, курлыкал, махал руками, как крыльями, и показывал, как визирь тщетно кланялся на восток и при этом восклицал *му-му*. Для жены калифа и её детей это представление всегда было большой радостью; но когда калиф слишком долго курлыкал, кланялся и кричал *му-му*, то визирь улыбаясь грозил ему, что сообщит жене калифа, что обсуждалось за дверью принцессы ночной совы.

* * *

Когда Селим Барух окончил свой рассказ, купцы, казалось, были очень довольны им.

— Правда, послеобеденное время прошло у нас так, что мы и не заметили! — сказал один из них, открывая ковёр палатки. — Дует прохладный, вечерний ветер; мы могли бы проехать ещё хорошее расстояние.

Его товарищи согласились на это. Палатки были разобраны, и караван отправился в путь в том же порядке, в каком пришёл.

Они проехали почти всю ночь; ведь днём было душно, а ночь была прохладная и звёздная. Наконец они подъехали к удобному привалу, раскинули палатки и легли отдыхать. О незнакомце купцы заботились так, как будто он был их самым дорогим гостем. Один дал ему подушки, другой — одеяла, третий дал рабов; словом, ему прислуживали так хорошо, как будто он был дома. Когда они опять встали, наступили уже более жаркие часы дня, и они единодушно решили дожидаться здесь вечера. Пообедав вместе, они опять сдвинулись ближе, и молодой купец обратился к самому старшему и сказал:

— Вчера Селим Барух доставил нам приятный послеобеденный отдых. Что, если вам, Ахмет, тоже рассказать нам что-нибудь из своей долгой жизни, которая, вероятно, может указать на много приключений, или хорошенькую сказку.

На это Ахмет некоторое время молчал, как бы колеблясь про себя — сказать ли ему то или другое или нет. Наконец он заговорил:

— Любезные друзья! Вы оказались в этом нашем путешествии верными товарищами, а Селим тоже заслуживает моего доверия. Поэтому я поделюсь с вами кое-чем из своей жизни, что обыкновенно я неохотно и не всякому рассказываю: я расскажу вам историю о корабле привидений.

Рассказ о корабле привидений

Мой отец имел в Бальсоре небольшую лавку. Он был ни беден ни богат и был одним из тех людей, которые неохотно решаются на что-нибудь, из страха потерять то небольшое, что имеют. Он воспитывал меня просто и хорошо и скоро достиг того, что я мог помогать ему. Как раз в то время, когда мне было восемнадцать лет и когда он совершил первое более крупное предприятие, он умер, вероятно от печали, что вверил морю тысячу золотых.

Вскоре после этого я должен был считать его смерть счастливой, так как спустя немного недель пришло известие, что корабль, на который мой отец отдал свои товары, пошёл ко дну. Но эта неудача не могла сломить моего юношеского мужества. Я окончательно превратил в деньги всё, что оставил мой отец, и отправился испытать своё счастье на чужбине; меня сопровождал только старый слуга моего отца, который по старинной привязанности не хотел расстаться со мной и моей судьбой.

В гавани Бальсоры мы сели на корабль при благоприятном ветре. Корабль, на котором я купил себе место, направлялся в Индию. Мы проехали обычной дорогой уже пятнадцать дней, когда капитан объявил нам о буре. Он был задумчив, потому что в этом месте он, по-видимому, недостаточно знал фарватер, чтобы спокойно встретить бурю. Он велел убрать все паруса, и мы поплыли совсем тихо.

Наступила ночь, было светло и холодно, и капитан уже думал, что обманулся в признаках бури. Вдруг вблизи нашего корабля пронёсся другой корабль, которого мы раньше не видели. С его палубы раздавалось дикое ликование и крик, чему я в этот страшный час перед бурей немало удивился. А капитан рядом со мной побледнел как смерть.

— Мой корабль погиб! — воскликнул он. — Там носится смерть!

Ещё прежде чем я мог спросить его об этом странном восклицании, уже вбежали с воплем и криком матросы.

— Видели вы его? — кричали они. — Теперь мы погибли!

Капитан велел читать вслух утешительные изречения из Корана и сам встал к рулю. Но напрасно! Видимо, буря разбушевалась, и не прошло часа, как корабль затрещал и остановился. Были спущены лодки, и едва спаслись последние матросы, как корабль на наших глазах пошёл ко дну, и я нищим оказался в открытом море. Но несчастьем ещё не было конца. Буря стала свирепствовать страшнее; лодкой уж нельзя было управлять. Я крепко обнял своего старого слугу, и мы пообещали никогда не покидать друг друга.

Наконец наступил день. Но с первым проблеском утренней зари ветер подхватил лодку, в которой мы сидели, и опрокинул её. Никого из своих моряков я уж не видал. Падение оглушило меня, а когда я очнулся, то находился в объятиях своего старого, верного слуги, который спасся на опрокинутую лодку и вытащил за собою меня.

Буря улеглась. От нашего корабля ничего уж не было видно, но недалеко от себя мы заметили другой корабль, к которому волны несли нас. Когда мы приблизились, я узнал тот самый корабль, который ночью пронёсся мимо нас и который навёл на капитана такой страх. Я почувствовал странный ужас перед этим кораблём. Заявление капитана, которое так страшно подтвердилось, и безлюдный вид корабля, на котором никто не показывался, как близко мы ни подплывали, как громко ни кричали, испугали меня. Однако это было нашим единственным средством спасения, поэтому мы восхвалили Пророка, который так чудесно сохранил нас.

На носу корабля свешивался длинный канат. Мы стали руками и ногами грести, чтобы схватить его. Наконец это удалось. Я ещё раз возвысил голос, но на корабле всё оставалось тихо. Тогда мы стали взбираться по канату вверх; я, как более молодой, — впереди. О ужас! Какое зрелище представилось моим глазам, когда я вступил на палубу! Пол был красен от крови; на нём лежало двадцать или тридцать

трупов в турецких одеждах; у средней мачты стоял человек, богато одетый и с саблей в руке, но его лицо было бледно и искажено, а через лоб проходил большой гвоздь, которым он был прибит к мачте, и он был мёртв. Ужас сковал мои шаги, я едва смел дышать. Наконец и мой спутник взошёл наверх. И его поразил вид палубы, на которой совсем не было видно ничего живого, но лишь столько ужасных мертвецов. Наконец, помолившись в душевном страхе Пророку, мы решили пройти дальше. На каждом шагу мы оглядывались, не представится ли чего-нибудь нового, ещё ужаснее. Но всё оставалось так как было — нигде ничего живого, кроме нас и океана. Мы даже не решались громко говорить из страха, что мёртвый, пригвождённый к мачте капитан направит на нас свои неподвижные глаза или один из мертвецов повернёт голову.

Наконец мы подошли к лестнице, которая вела в трюм. Там мы невольно остановились и посмотрели друг на друга, потому что ни один не решался выразить свои мысли прямо.

— Господин, — сказал мой верный слуга, — здесь произошло что-то ужасное. Однако если даже корабль там внизу наполнен убийцами, всё-таки я предпочитаю безусловно сдаться им, чем оставаться среди этих мертвецов.

Я думал так же, как он. Мы собрались с духом и стали спускаться вниз, исполненные ожидания. Но и здесь была мёртвая тишина, и только наши шаги раздавались на лестнице. Мы стали у двери каюты. Я приложил ухо к двери и прислушался; ничего не было слышно. Я отворил. Комната представляла беспорядочный вид. Одежда, оружие и утварь — всё лежало в беспорядке. Должно быть, команда или по крайней мере капитан недавно бражничали, потому что всё было ещё разбросано. Мы пошли дальше, из помещения в помещение, из комнаты в комнату; везде мы находили чудные запасы шелка, жемчуга, сахара. При виде этого я был вне себя от радости: ведь так как на корабле никого нет, думал я, то всё можно присвоить себе. Но Ибрагим обратил моё внимание на то, что мы, вероятно, ещё очень далеко от земли, до которой одни и без человеческой помощи не сможем добраться.